КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 27

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1909

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція С. А. Князькова.

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1) Городище восточныхъ славянъ, *Н. К. Рериха.*
2) Торгъ у восточныхъ славянъ, *В. М. Васнецова.*
3) Варяги, *В. М. Васнецова.*
4) Христіанство и язычество, *С. В. Иванова.*
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), *И. Я. Билибина.*
6) Вѣче, *А. М. Васнецова.*
7) Съѣздъ князей, *И. Я. Билибина.*

II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, *А. М. Васнецова.*
9) Баскаки, *С. В. Иванова.*
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.), *А. М. Васнецова.*

III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, *С. В. Иванова.*
12) Святѣйшій патріархъ, *С. В. Иванова.*
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), *С. В. Иванова.*
14) Земскій Соборъ (XVII в.), *С. В. Иванова.*
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, *С. В. Иванова.*
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, *С. В. Иванова.*
17) Пріѣздъ воеводы, *С. В. Иванова.*
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). *С. В. Иванова.*
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, *С. В. Иванова.*
20) Стрѣльцы, *С. В. Иванова.*
21) Юрьевъ день, *С. В. Иванова.*
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, *А. М. Васнецова.*
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
24) Школа въ Московской Руси, *Б. М. Кустодіева.*
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
26) Въ смутное время, *С. В. Иванова.*
27) Во времена раскола, *С. В. Иванова.*

IV. Всероссійская Русь.

28) Въ Нѣмецкой слободѣ, *А. Н. Бенуа.*
29) Солдаты Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
30) Флотъ Петра Великаго, *Е. Е. Лансере.*
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, *Д. Н. Кардовскаго.*
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
35) Петръ Великій, *В. А. Сѣрова.*
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), *Д. Н. Кардовскаго.*
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., *Е. Е. Лансере.*
38) Выходъ императрицы Екатерины II, *А. Н. Бенуа.*
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, *А. Н. Бенуа.*
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, *А. Н. Бенуа.*
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, *А. Н. Бенуа.*
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), *А. Н. Бенуа.*
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), *М. В. Добужинскаго.*
44) Въ военномъ поселеніи, *М. В. Добужинскаго.*
45) Декабристы, *Л. О. Пастернака.*
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
47) Городъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, *Л. О. Пастернака.*
49) Люди 40-хъ годовъ, *Л. С. Бакста.*
50) Освобожденіе крестьянъ, *Б. М. Кустодіева.*

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 27.

С. В. Ивановъ. Во времена раскола.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1909.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

Во времена раскола.

На картинѣ изображена сцена, какихъ много происходило послѣ 1659 г. по всѣмъ городамъ и вѣсямъ Московской Руси. Въ 1659 г. патріархъ Никонъ съ церковнымъ соборомъ порѣшилъ переиздать всѣ богослужебныя книги, предварительно исправивъ ихъ по вѣрнымъ греческимъ спискамъ. Изъ Греціи, съ Аѳона, изъ Іерусалима изъ разныхъ монастырей Россіи, повезли въ Москву цѣлыя горы рукописей греческихъ и древне-славянскихъ, содержавшихъ старинные списки книгъ богослужебныхъ и учительныхъ. По этимъ спискамъ частью исправили употреблявшіяся въ Московскомъ государствѣ книги, а большею частью перевели и издали вновь. Отпечатанныя новыя книги разослали по церквамъ, монастырямъ и городамъ со строгимъ наказомъ толкомъ по нимъ править церковную службу, а старыя книги «отставить», сложить въ каморы или переслать въ Москву.

Ужаснулись православные русскіе люди, взглянувъ въ эти новоисправленныя и новопереведенныя книги и не нашедши въ нихъ ни двоеперстія, ни сугубой аллилуіи, ни хожденія посолонь при кажденіяхъ, ни восьмиконечнаго креста, ни другихъ освященныхъ временемъ и преданіемъ обрядовъ, которыхъ уже не знала церковь православнаго востока. Около храмовъ, куда привезли новыя книги, собирались толпы народа, начетчики жадно сравнивали новопривезенныя книги со старыми, указывали собравшимся противорѣчія и новшества и доказывали, что новыя книги неправославны, усматривали въ нихъ новую вѣру, кляли ихъ какъ еретическія и призывали народъ не признавать новыя книги, молиться по старымъ, соблюдать во всей чистотѣ и неприкосновенности старые обряды, отмѣнявшіеся по новымъ книгамъ.

Человѣкъ властный и самоуправный, патріархъ Никонъ дѣло исправленія новыхъ книгъ провелъ очень круто, не щадя старинныхъ привычныхъ реченій и оборотовъ и во многихъ случаяхъ

приказывалъ безъ нужды, вмѣсто того, чтобы дѣлать исправленія стараго текста, переводить вновь.

При новомъ переводѣ, конечно, многія слова были переданы иными реченіями, непривычными. Это то и создавало большинство затрудненій. Ревнители стараго благочестія теряли голову, пытаясь объяснить себѣ, зачѣмъ понадобилось, какъ говорилъ одинъ изъ нихъ, «ту же рѣчь печатать новымъ нарѣчіемъ: гдѣ церковь была—тамъ храмъ, а гдѣ храмъ—тамъ церковь, гдѣ отроцы—тамъ дѣти, а гдѣ дѣти—тамъ отроцы, вмѣсто креста—древо, вмѣсто пѣвцы—пѣснословцы. Чѣмъ сіе лучше онаго,—спрашивали ревнители старины,—и что въ старыхъ книгахъ ересь, и какое слово противно божественному писанію?» Въ исправленіи, не понявъ его, они увидѣли только слѣпую ненависть къ старому и стали разсказывать, что патріархъ Никонъ будто бы самъ говорилъ греку-справщику: «печатай, Арсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по-старому».

Сторонники старины припоминали, какъ незадолго передъ тѣмъ духовный судъ усомнился въ православіи того самаго Арсенія грека, который теперь правилъ книги. Узнали также, что при исправленіи книгъ не всегда сличали ихъ съ древними греческими книгами, а правили и по новопечатаннымъ въ Италіи, въ Венеціи. Оказалось даже, что изъ всѣхъ 498 греческихъ книгъ и рукописей, привезенныхъ съ Востока, годились для исправленія по нимъ книгъ всего только семь-восемь рукописей, а остальныя и сами были не то что не безъ грѣха, но при строгомъ разборѣ не всегда могли служить подлинниками при исправленіи.

Неудовольство было тѣмъ сильнѣе, что патріархъ Никонъ отстранилъ отъ исправленія книгъ прежнихъ русскихъ справщиковъ и поручилъ это дѣло ученымъ кіевскимъ монахамъ. Одинъ изъ друзей этихъ устраненныхъ справщиковъ, знаменитый протопопъ Аввакумъ, такъ записалъ свое впечатлѣніе отъ того, что случилось: «Мы увидѣли, яко зима хощетъ быти: сердце наше озябло, и ноги задрожали; время приспѣ страданію! Подобаетъ неослабно страдати».

И страдать, дѣйствительно, пришлось очень скоро. Московскіе люди стали думать, откуда пришло зло. Многіе рѣшили, что вѣру нарушаютъ потому, что слишкомъ уже передались иностранцамъ «нѣм-

цамъ», которыхъ тогда во множествѣ призывали для обученія солдатъ, литья пушекъ и т. п. Русскіе люди, которымъ дорого эти новшества стоили—вѣдь деньги на введеніе новинъ брали съ нихъ,—видя, что нѣмецъ командуетъ ратными людьми и учитъ ихъ своей иностранной ратной хитрости, смутились, стали опасаться, что ихъ теперь, пожалуй, заставятъ одѣваться и брить бороду по-нѣмецки, вѣру принять нѣмецкую, табакъ курить, молоко пить по средамъ и пятницамъ, а свое древнее благочестіе покинуть. Служилъ русскій человѣкъ поэтому «со смятеннымъ духомъ», зная, по выраженію профессора В. О. Ключевскаго, что служба эта нужна царю, но очень неувѣренный, угодна ли она Богу.

Когда же стали вводить новшества и въ церковную жизнь, народъ окончательно смутился. Вѣдь всѣ были увѣрены, что церковные обычаи нельзя перемѣнять, что это грѣхъ, что только существующіе обычаи и правильны. Святость церковнаго обряда была для народа равносильна святости самой вѣры. Креститься тремя перстами казалось незамолимымъ грѣхомъ,—протопопъ Аввакумъ прямо говорилъ: «Лучше человѣку не родиться, нежели тремя персты знаменоватися!» Протопопу указывали, что такъ дѣлается у грековъ, отъ которыхъ мы приняли христіанство: «Вся наша Палестина и сербы, и волохи, и римляне, и ляхи признаютъ троеперстіе», говорили протопопу судившіе его патріархи. Но онъ возразилъ: «Вселенскіе учители, Римъ давно палъ и лежитъ невосклонно, и ляхи съ нимъ же погибли; а у васъ православіе стало пестро отъ насилія турскаго Махмета. Пріѣзжайте къ намъ учиться благочестію: у насъ Божіею благодатію самодержавство, мы ни отъ кого независимы, православіе у насъ чисто, и Церковь свято стоитъ». «Охъ, бѣдная Русь,—говоритъ тотъ же Аввакумъ,—что тебѣ старина-то надоѣла, что тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ?»

Съ появленіемъ въ Москвѣ иностранцевъ-художниковъ и образцовъ заграничнаго иконописнаго искусства стали появляться и русскія подражанія западной манерѣ иконописанія. Уже настроенный боязливо и опасливо въ эту сторону русскій человѣкъ увидѣлъ и тутъ еретическое новшество, которое ничѣмъ не могъ оправдать, какъ только слѣпою ненавистью къ своему, угодливостью нѣмцамъ

«Пишутъ Спасовъ образъ, Еммануиловъ,—говорилъ все тотъ же Аввакумъ, обличая иконописныя новшества,—лицо одутловато, уста червонны, власы кудрявы, руки и мышцы толсты, персты надуты, тако же и у ногъ бедры толсты, и весь яко нѣмчинъ брюхатъ и толстъ учиненъ, лишь сабли при бедрѣ не написано... и все то устрояютъ по-фряжскому, сирѣчь по-нѣмецкому»...

Вотъ это сравненіе новшествъ въ Церкви съ новшествами въ жизни вообще, выводъ тѣхъ и другихъ новшествъ отъ «нечестивыхъ нѣмецъ», появленіе которыхъ ознаменовалось усиленіемъ податей, скоро превратили стояніе за церковную старину въ противодѣйствіе распоряженіямъ власти вообще. Стояніемъ за старину начали оправдывать сопротивленіе тяжелымъ новшествамъ въ настоящемъ, стали объяснять ихъ себѣ, как нечестивыя, нѣмецкія, а потому сопротивленіе всѣмъ новшествамъ вообще—и церковнымъ и въ жизни—сочли богоугоднымъ дѣломъ. Такъ какъ правительство одобрило церковныя преобразованія, то порѣшили, что царь совращенъ нѣмцами, а стало-быть, сопротивляться ему и не грѣхъ. «Какъ Никонъ царя причастилъ антидоромъ,—говоритъ Аввакумъ,—такъ съ тѣхъ поръ взяли да и начали ломать все старое, завели новую вѣру и всякія ереси». «Выпросилъ себѣ сатана свѣтлую Россію у Бога и конечно воцарился всякимъ нечестіемъ надъ всею вселенною». Такой взглядъ былъ быстро усвоенъ всѣми, кто обнищалъ отъ тяжелыхъ податей, кто былъ изнуренъ постоянными злоупотребленіями всякихъ чиновниковъ,—словомъ, простымъ народомъ.

Правительство отвѣтило на это броженіе въ народѣ обычными тогда суровыми мѣрами — пошли въ ходъ казни, ссылки, тюрьма, кнутъ. Къ тому же, со стороны старообрядцевъ началось даже вооруженное сопротивленіе. Соловецкіе монахи отказались принять присланные въ монастырь новоисправленныя книги. Они собрались на совѣщаніе, названное «Чернымъ соборомъ», и рѣшили скорѣе умереть, чѣмъ принять новыя книги. Цѣлыя 8 лѣтъ отбивались монахи съ оружіемъ въ рукахъ отъ царскихъ воеводъ. Соборъ русскихъ и греческихъ іерарховъ, состоявшійся въ 1666 — 1667 г., осудилъ всѣхъ державшихся старыхъ обрядовъ и хулившихъ нововведенія Никона, какъ еретиковъ и раскольниковъ. «Если кто не

послушаетъ нашего повелѣнія,—постановилъ соборъ, — и не покорится святой восточной Церкви и всему освященному собору, или начнетъ прекословить и противиться намъ, мы такого противника, данною намъ властью, если будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ, и предаемъ проклятію, а если будетъ отъ мірского чина — анаѳемѣ предаемъ и отъ Церкви отсѣкаемъ, какъ еретика и непокорника, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ». Осужденные соборомъ не покорились, назвали соборъ «бѣшеннымъ», рѣшили, что «не Христосъ сидѣлъ со властьми, и не Духъ Истинный училъ, но лукавый сатана», что, хотя Церковь православна, но догматы церковные отъ Никона еретика, бывшаго патріарха, искажены новоизданными книгами, которыя первымъ книгамъ, бывшимъ при пяти первыхъ патріархахъ, во всемъ противны: въ вечерни, и въ заутрени, и въ литургіи, и во всей божественной службѣ не согласуются... «Держимъ православіе бывшее прежде Никона патріарха и книги держимъ письменныя и печатныя, изданныя отъ пяти патріарховъ: Іова, Гермогена, Филарета, Іосафа и Іосифа московскихъ и всея Россіи, и выше ихъ отъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ московскихъ и всея Россіи, и хощемъ соборомъ, бывшимъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, правы быти, на немъ же былъ и Гурій, нашъ казанскій чудотворецъ, съ сими книгами живемъ и умираемъ».

Но по тогдашнему закону за преступленія противъ вѣры, за еретичество, полагалась смертная казнь.

Въ 1681 г. правительство постановило учинить розыски раскольниковъ, какъ назвали тогда старообрядцевъ, запретило продажу и распространеніе ихъ сочиненій и старыхъ книгъ, учредило строгій надзоръ за приверженцами старины. Все это въ глазахъ простого народа казалось прямымъ гоненіемъ за вѣру и не могло не воспламенить еще болѣе ревнителей старины: въ пострадавшихъ видѣли мучениковъ за истину, въ гонителяхъ — жестокихъ слугъ антихриста. Пострадать за вѣру, погибнуть за нее огненною смертью, стало завѣтнымъ желаніемъ многихъ. Воображеніе народа было возбуждено до болѣзненности, до ожиданія небесныхъ громовъ за отступленіе отъ формы благочестія: «Если я перекрещусь тремя перстами,—

говорилъ на допросѣ дворянинъ Токмачевъ,—думаю, что и небо поразитъ меня страшнымъ громомъ, и земля разступится и заживо поглотитъ мя». Людьми овладѣло мужество отчаянія — они шли на все. Страхъ передъ церковными новшествами былъ до того силенъ, что появился страшный обычай самосожигательства. Въ 1687 г. въ 6 мѣстахъ сожглось больше 4650 человѣкъ.

Вспугнутые крутыми мѣрами начальства, ревнители старой вѣры— и иноки и міряне—побѣжали во всѣ стороны. Скоро по селамъ и деревнямъ все чаще, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, стали появляться и въ одиночку и «многолюдствомъ» неизвѣстные люди. Въ лѣсу, въ укромныхъ оврагахъ, подальше отъ проѣзжихъ дорогъ хоронились они, а молва приводила къ нимъ и единомышленниковъ, и любопытныхъ, и равнодушныхъ. Поднявъ высоко вверхъ правую руку съ двуперстнымъ знаменіемъ креста, эти бѣглецы убѣждали людей непоколебимо стоять за «древлее благочестіе противъ новинъ Никона патріарха, предтечи антихристова», какъ говорили они. По словамъ старобрядческихъ писателей, проповѣдники эти «нелѣпостно о древлемъ благочестіи всеблагодатное простирали слово, съ умиленіемъ и слезами поучали, съ рыданіемъ молили простыхъ людей опасно беречься Никоновыхъ новшествъ, отъ церкви никоновой удаляться, у священниковъ никоніанъ не причащаться и въ домы къ себѣ ихъ не пускать».

Времена на Руси становились, межъ тѣмъ, все болѣе смутными. Въ самый разгаръ развитія церковнаго раскола скончался царь Алексѣй Михайловичъ. Его наслѣдникъ, хилый отъ природы, царь Ѳедоръ, царствовалъ недолго. Съ его смертью началась дворцовая смута, разразился бунтъ стрѣльцовъ. На московскомъ престолѣ оказались два царя—Петръ Алексѣевичъ и Иванъ Алексѣевичъ, а правила государствомъ, за ихъ малолѣтствомъ, царевна Софія. Такъ появилось на Руси и еще неслыханное новшество: сразу царствовали два царя, а всѣми дѣлами управляла женщина, да еще незамужняя.

При общемъ тревожномъ состояніи народа такое новшество показалось очень страннымъ и дало обильную пищу для всякихъ мятежей и возмущеній, съ которыми и слилось вызванное расколомъ Церкви движеніе.

Стрѣлецкій бунтъ, окончившійся тѣмъ, чего требовали стрѣльцы, возбудилъ въ народѣ мысль, что, пожалуй, такимъ путемъ можно добиться и другихъ перемѣнъ и измѣненій. Прежде всего поднялись ревнители старой вѣры, пораженные проклятіемъ господствующей Церкви и преслѣдуемые властью. До сихъ поръ самые рьяные изъ нихъ бѣгали въ лѣса, пустыни, а другіе прятались по городамъ. Но какъ только начались въ Москвѣ стрѣлецкія волненія, приверженцы старой вѣры сейчасъ же подняли голову. Стали по Москвѣ открыто расхаживать проповѣдники древняго благочестія и поучать народъ не ходить въ оскверненныя церкви, не креститься тремя перстами, не слушаться нечестиваго начальства и не платить антихристовыхъ податей. «Неучи, мужики, бабы, — говоритъ современникъ, — не знающіе складовъ, толпами собирались тогда на Красной площади и совѣщались, какъ утвердить старую вѣру».

Правительницѣ, царевнѣ Софіи, пришлось согласиться на собесѣдованіе со сторонниками старыхъ обрядовъ во дворцѣ. Множество ревнителей старины набралось въ Грановитую палату, куда пришли и царевна съ боярами и духовенствомъ. Собесѣдованія, конечно, никакого не вышло. Пришедшіе на собесѣдованіе вели себя крайне безчинно. Одинъ изъ нихъ даже ударилъ холмогорскаго епископа Аѳанасія. Еле удалось очистить отъ нихъ дворецъ. Покинули они его такъ же безчинно, какъ и вошли. Съ криками: «Побѣдихомъ! побѣдихомъ!» спустились они по Красному крыльцу, вышли на Лобное мѣсто и по дорогѣ въ Таганку, гдѣ были ихъ дома, служили въ попутныхъ церквахъ благодарственныя молебствія.

То же происходило и въ другихъ городахъ. «Вѣдомо великимъ государямъ учинилось, — читаемъ въ одномъ указѣ того времени, — что въ городахъ тамошніе жители и прохожіе люди пре многомятежное смутное время говорятъ похвальныя и многія непристойныя слова на смуту и на страхованіе и соблазнъ людямъ». Подобные люди не стѣснялись производить шумъ и драку въ самомъ Кремлѣ, возлѣ дворца. Стрѣльцы одного изъ полковъ, собравшись на сходку, порѣшили составить прошеніе государямъ противъ патріарха и просить возстановить старую вѣру, и прошеніе не было написано только потому, что среди нихъ не нашлось ни одного грамотнаго человѣка.

Подъ вліяніемъ гоненій и преслѣдованій пошли въ средѣ старообрядцевъ слухи, что настали послѣднія времена, что послѣ собора 1666—67 гг., проклявшаго «старую вѣру», померкло солнце православія въ «третьемъ Римѣ», какъ тогдашніе книжники любили называть Московское государство, и, слѣдовательно, скоро долженъ наступить Страшный судъ. Люди начали уже бредить антихристомъ. Еще протопопъ Аввакумъ пререкалъ его пришествіе, и ему снился антихристъ. «О, братья мои, — пишетъ онъ, — видѣлъ антихриста собаку бѣшеную, право, видѣлъ. Платье у него все красно и зѣло чурно, огнемъ дышетъ изо рта, а изъ ноздрей и ушей пламя смрадное исходитъ»... Разсчитали, что по апокалипсису власть антихриста должна продлиться два съ половиной года, а затѣмъ наступитъ свѣтопреставленіе. Рѣшивъ, что антихристъ пришелъ въ 1666 г., стали ожидать конца свѣта въ 1669 г. Въ нижегородскомъ краѣ, а надо думать и по всей Руси, многіе люди были такъ увѣрены въ наступленіи кончины міра, что уже съ осени 1668 г. забросили поля, не пахали, не сѣяли, выпустили на волю скотину, а съ наступленіемъ 1669 года бросили и избы. Стали собираться толпами по домамъ, сообща молились, постились, каялись другъ другу въ грѣхахъ, пріобщались св. даровъ, освященныхъ до Никона, и съ трепетомъ ждали той минуты, когда, согласно пророчеству, солнце померкнетъ, луна остановитъ теченіе свое, звѣзды спадутъ съ небя, загорится земля, попаляя злокозненный грѣхъ людской, гробы отдадутъ своихъ мертвецовъ и, наконецъ, въ послѣдній зазвучитъ труба архангела, разверзнется небо, придетъ «Судія всѣхъ», разогнутся «книги животныя», рѣка огненная предъ судилищемъ потечетъ, и настанетъ Страшный судъ.

По старинному преданію, кончины міра ожидали ночью, въ полуночи. И вотъ каждую ночь, при наступленіи 12 часовъ, надѣвали люди смертныя рубахи и саваны, ложились въ долбленые изъ цѣльнаго дерева гробы и ждали трубнаго гласа, отпѣвая себя заживо.

Но несбывшіяся ожиданія конца міра не оправдались. 1669 годъ наступилъ и прошелъ благополучно. Начали объясненія этому обстоятельству, но не поступались ни на черту въ своей приверженности къ старымъ обрядамъ, и [illegible] эти обряды люди

и въ наше время составляютъ очень значительную часть населенія Россіи.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XI—XIII; *Преосв. Макарій*, «Исторія русской церкви», т. XII; *П. Мельниковъ*, «Очерки исторіи поповщины».

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ— взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, ... ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и ука... реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуе... какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворитовъ при дворѣ- посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—„*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Москва.